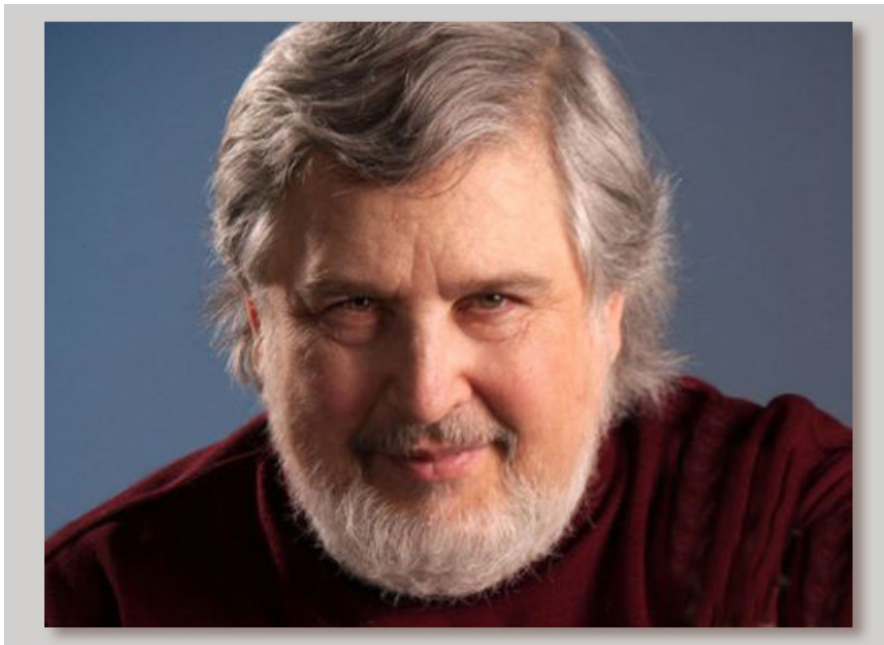

Живет в Иваново (Россия). О себе: "Родился в Ленинграде в 1947 г. Работал в газетах и на телевидении. Преподавал в вузе историю искусств. Кандидат искусствоведения. Публиковал статьи о театральном, изобразительном и народном искусстве в журналах «Театр», «Театральная жизнь», газетах «Культура», «Комсомольская правда», «Известия», в местной прессе. Профессионально занимаюсь литературой и компьютерной графикой, автор пяти поэтических книг и семи персональных выставок. Живописные работы находятся в частных коллекциях Франции, Германии, США, Израиля, Аргентины. Оформил все свои и несколько чужих книг. Стихи печатались в журналах «Знамя», «Волга», «Дружба народов», «Сибирские огни», «Дети Ра», «Зинзивер», «Крещатик» и во многих других изданиях в России и за рубежом. Стихи переведены на украинский, польский и английский языки. Поэтические книги: Карта туманных мест. Иваново: А-Гриф. 2006; Красные деревья. М. Библиотека Единая Книга, 2009; Планета Снегирь. М. Вест-Консалтинг, поэтическая серия журнала «Дети Ра», 2011; Тоскана на Нерли. М. Летний сад. Издание Флорентийского общества. 2011; Город дорог. М. Вест-Консалтинг. 2012. Член Союза российских писателей и Союза писателей 21 века."

В одичавшем саду

Снова яблони тяжко плодами больны,
Снова трогают землю ветвями.
И заметно, что лист отдаёт без борьбы
Эту почву, забытую нами.

В одичавшем саду хорошо помереть
В будний день, предположим что в среду.
И, уже растворившись почти что на треть,

Закатиться под вечер к соседу.

И немного поесть, и немного попить,
И спросить самогона с калиной...
И найти, и срастить поврежденную нить
Жизни, ставшей нежданно длинной.

И блаженно смотреть, как текут искони
Стаи птиц, расчертивших полкрая.
Привалиться спиной к деревянной стене
И дышать, ничего не желая.

Скарабей

Когда я вышел из Египта –
Был молодым, весёлым, гибким,
Как абиссинская лоза.
Мы шли тогда по самым гиблым
Местам, и ветер ел глаза.

Потом я возле золотого
Тельца плясал, и гибло слово,
Горел песок, и стыла кровь...
Мне не было ни сна, ни крова,
Ни мяса жертвенных коров.

Я жил как шёл, кормился маном,
За облаком сухим и странным
Топтал пустынную тропу,
И знал, что там, за Иорданом,
Нет места беглому рабу.

Я умираю на границе,
И только молодые птицы
Летят свободно надо мной.
Я знаю: сын меня стыдится,
Уже чужой, уже иной.

Я вижу, плача и слабея,
Как амулет он сдёрнул с шеи -
Египетский подарок мой.
И золотого скарабея
Швырнул недрогнувшей рукой.

Севера. Фрагменты поэмы

1. Река Яна

Там, где мамонты ворочаются в мерзлоте,
Там, где древним змеем тёзка моя течёт.
Сотням тысяч оленьих горячих тел
Потеряет счёт обмороженный чёрт.

Как давно я выжил в этих местах:
Лена, Яна, Индигирка и Колыма.
По воде идёт онемевший страх,
Это дышат в спину зима и тьма.

Что-то молодость моя молчит подо льдом,
Где прошедшая жизнь – по воде круги...
Мы по ранней шуге катерами идём
От посёлка Северный до Усть-Куйги.

Выгибает реку хан-рыба таймень,
Впереди как небыль - аэропорт.
Заглуши мотор, и веслом табань,
На прощанье спирта плесни за борт.

Ледяная крупа мне стучит в окно,
Спирт из фляги рухнет туда, в живот...
Только Северный сгинул давным-давно,
Ну, а Усть-Куйга – ничего, живёт.

2. Енисейское

Расскажу, как я не мог прибиться к берегу:
Енисей меня крутил-вертел отчаянно,
И спина его была от пены белая,
И осталась позади тоска причальная.
А я сломанным веслом, шальной, размахивал,
Песни пел, и слёзы лил разменной мелочью.
От Игарки ельник мне, сойдя с ума, кивал,
Я бы Богу помолился – не умел ещё.
Как я спасся, как я выгреб, как лежал в траве,
Как товарищи вливали водку в глотку мне,
Всё забыл, остались только крохи жалкие,
Стариковские мои огни болотные.
И увидеть не помогут ни одни очки,
Как несёт меня тугой поток на лодочке,
Как висит вся жизнь моя на тонкой ниточке,

Как бежит мой друг по берегу в пилоточке...

3. Кирпичный завод

Когда колёса долбят: «Ухта, Инта, Воркута...»,
Кому охота ехать в гиблые эти места?
Но саднит моя память, до боли свербит, дерёт:
Стучат, кричат колёса про старый кирпичный завод.

В тридцати километрах от этой твоей Воркуты,
Где горят мосты, где снега чисты, а дома пусты,
Где речка Юньяха до дна застыла в пространстве густом,
Лежит мой родич, еврей - под святым православным крестом.

Их в тридцать восьмом уравнил трибунал, побратал расстрел -
Пятьсот мужиков, пятьсот затоптанных в землю тел.
Не выдалось сгнуть моей родне на большой войне,
Потом за всех мой отец отвоевал вдвойне.

Как стоял я, вчерашний солдатик, и плакал о том...
Как хватал этот горький воздух обветренным ртом...
И северный ветер выл, и каменный воздух стыл -
И горели мосты, но снега оставались чисты.

4. Григорий

Бывший вор Григорий (знаю, бывших воров не бывает),
Жил в забытом балке на границе тундры и леса.
По наколкам на сморщенной коже читалась судьба кривая,
А якутская малица как от парши облезла.

Сколько лет ему было – двадцать пять, пятьдесят или триста...
Он ушёл от людей, прислонился к зверью и деревьям.
Не боялся морозов, полярных ночей и риска,
И казалось – он вырос здесь, словно коряга, древний.

Бывший вор Григорий свалил по снежку оленя,
Под балком вырыл погреб, набил его льдом и рыбой.
Только чая и хлеба, да махорки для зимней лени
Не хватало ему... «Солдатики, вы помогли бы!»

Я его приручал, как шального полярного волка,
Пил цифирь, слушал байки, и он становился добрее.
Угощал пацанов на морошке настоящей водкой
И всё шутки шутил про морозоустойчивого еврея.

Уезжали, когда эта тундра от края до края
Синим, красным цвела, словно вынырнула из мрака...
Бывший вор Григорий (да, бывших воров не бывает)
На пороге стоял, желваками играл, не плакал.

5. Шаман

Говорил мне шаман Мандаров Алдан,
Стрельнув папиросу, глядя в упор:
- Ты пришёл к нам, солдатик, плати же дань:
Бутылку спирта и «Беломор».
Он священный огонь кормил с руки,
Он камлал, и на всё доставало сил,
Ел с ножа оленину, пил из реки,
И рычал, и чайкою голосил.
А за что сидел он, зачем увезли...
Просто так, без дела, не упекут!
Да ещё загнали на край земли,
В беспредельный город, чужой Усть-Кут.
На щеках Алдана – зарубки лет,
Но бесшумен бег и тугой кулак,
И такого второго шамана нет
На великом озере Укулях.
Здесь железная рыба подземных рек,
Белый конь, и навеки седой орёл,
Здесь не выживет разве что человек...
- Да зачем он нужен! – Алдан орёт.
И кричит шаман, словно птичий хор,
У него для этого свой резон...
И срывается с места наш вездеход,
И как будто падает за горизонт.

[Страница автора в Сети](#)